

В ОЖИДАНИИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ОБ ИСЧЕРПАНИИ ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИЧЕСТВА ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛ. 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

В отечественной и зарубежной историографии уже высказывалось мнение о своеобразии духовной атмосферы первых послевоенных лет. Переход от сотрудничества Объединенных Наций времен Второй мировой войны к новому глобальному противостоянию был стремительным. Надежды на возможность установления прочного миропорядка быстро сменились ощущением новой опасности. Весьма интересно, в частности, рассмотрение восприятия мировых политических процессов деятелями российской эмиграции. Она не только являлась достаточно существенным фактором в «холодной войне», учитывая, что и Востоком, и Западом, но одновременно и пристально всматривалась в происходившие в мире изменения, понимая, что именно от их развития зависит ее собственная судьба.

Известный исследователь «холодной войны» А.М. Филитов в одной из своих работ справедливо выступил против концепции послевоенного противостояния как «прямолинейного, безостановочного и безальтернативного процесса», поскольку в его развитии были свои паузы и повороты, открывавшие возможность «остановить или взять его под контроль»¹. Вместе с тем, пытаясь понять, была ли неизбежна «холодная война», историки в целом дают на него положительный ответ. Безусловно, существовал определенный «веер альтернатив», но после исчезновения в 1945 г. основы для антигитлеровской коалиции вскрылись глубочайшие различия в идеологии и политических системах СССР и Запада. При этом, по замечанию М.М. Наринского, холодная война была «необходимой формой» их противостояния, т.к. к этому вел образ мышления и система представлений лидеров держав, только что вышедших из войны². К тому же, указывает А.О. Чубарьян, после войны перед СССР закономерно встала проблема возврата к идее распространения социализма, а Запад, естественно, не собиравшийся «отдавать Европу во власть коммунистам», что и сделало холодную войну неизбежной³.

Все эти проблемы проявились уже на Потсдамской конференции 1945 г. М.М. Наринский отмечает, что известные решения конференции о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии прежде всего усиливали политические группы, ориентированные на СССР⁴. В ходе конференции СССР стремился провести такие решения, которые бы позволили ему полностью контролировать советскую зону оккупации и расширить свое влияние на ситуацию в Германии в целом. Весьма любопытные оценки позиции СССР в Потсдаме были сделаны известным «перебежчиком», бывшим офицером Советской военной администрации в Германии Г.П. Климовым. Он отмечал, что в вопросах далекого будущего Германии Советский Союз проявлял «значительную уступчивость» и в основном соглашался с политикой

¹ Филитов А.М. СССР и германский вопрос. 1941-1949. Документы из Архива внешней политики МИД России // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 137.

² См.: Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. Новые документы из российских архивов // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 16.

³ См.: Чубарьян А.О. Новая история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 16.

⁴ См.: Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. С. 17.

западных союзников. Однако «тем больший интерес, активность и необычайное упорство» показала советская сторона в вопросах ближайшего будущего – в вопросе взимания с Германии репараций и в территориальных претензиях на восточных границах Германии. Объясняя такую тактику делегации СССР, Г.Климов писал: «Будущее – это ни к чему не обязывающие обещания. А пока ценою этих обещаний нужно постараться выторговать у Запада побольше репараций и уступок»⁵.

Характеристика советской политики как экспансионистской встречала возражения у части эмигрантских публицистов, которые в издаваемой ими прессе стремились подчеркнуть миролюбивый характер советской внешней политики и возлагали всю ответственность за обострение международной обстановки на США и другие страны Запада. Характерным примером такой позиции являются работы бывшей меньшевички О.И. Доманевской, в 1918 – 1919 гг. входившей в состав Московского комитета РСДРП. В годы Второй мировой войны она находилась в рядах группы левых меньшевиков, во главе которых стоял Ф.И. Дан. Постепенно О.И. Доманевская полностью перешла на просоветские позиции, полагая, что естественным союзником левой социал-демократии (к которой она себя причисляла) являются коммунисты. О.И. Доманевская заявляла, что целью «англо-американского блока» является противодействие окончательной ликвидации фашизма в Германии и Европе в целом. Она доказывала, что в американской зоне оккупации Германии «до сих пор не разрушена та экономическая база, которую фашизм может использовать для восстановления своего военного могущества». Как и советские публицисты той эпохи, О.И. Доманевская стремилась сформировать у читателя мнение, что политический курс США в Германии определялся не задачами борьбы с нацизмом, а интересами американских промышленников, связанных с германской индустрией⁶. На эту же экономическую составляющую германской проблемы для США обращал внимание известный либерал-демократ, в прошлом близкий к П.Н. Милюкову Б.И. Элькин, который в преддверии Московской конференции 1947 г. указывал в письме к Ф.И. Дану: «Немецкий вопрос прежде всего выдвигает соображения о безопасности, т.к. Германия, как бы она ни была разрушена, все же является самой большой потенциальной угрозой для всех тех стран, которые на себе испытали ужасы немецкой оккупации или наступления – эта общая угроза является тем, что в последнем счете должно объединить политику европейских стран – от СССР до Англии. США занимают особое положение. Германия им непосредственно не угрожает. Поэтому-то Америка, следуя своей обычной слепой политике, думает о Германии только как о рынке»⁷. Ориентированные на СССР эмигранты за океаном объединялись в основном вокруг газет «Русский голос» (Нью-Йорк) и «Вестник» (Торонто).

Просоветские позиции занимала и часть представителей российской диаспоры во Франции. Члены существовавшего в первые послевоенные годы Союза советских патриотов (ССП) во Франции заявляли: «Кому-то выгодно, вопреки очевидности, подкидывать Советскому Союзу империалистические тенденции. Советский Союз настаивает на принципе реального самоопределения народов... Он не может отказаться от основ своей общечеловеческой идеологии, построенной на

⁵ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар, 2002. С. 186.

⁶ См.: Доманевская О. Проблема Германии // Вестник. Торонто, 1946. 9 января.

⁷ International Institute of Social History (IISH). Fund of F.I.Dan. Folder 1.

принципах народоправства и мировой солидарности»⁸. Как видим, позиция лидеров СССР ничем не отличалась от официальных заявлений советских руководителей.

Однако подавляющее большинство эмигрантских печатных органов, бесспорно, выпускалось антикоммунистической частью российской диаспоры, которая совершенно иначе оценивала послевоенную политику СССР на международной арене. Эмигранты-антикоммунисты полагали, что вся вина за дестабилизацию обстановки в различных точках земного шара ложится на коммунистическое руководство СССР, и лишь его свержение способно обеспечить стабильность на планете. Заметим, что такой была позиция не только консервативных и либеральных группировок, но и тех эмигрантов, которые находились в левой части политического спектра. Характерно, например, мнение анархиста Л. Липоткина, заявлявшего, что опасность будет угрожать «свободному миру» до тех пор, пока существуют «коммунистические и всякие иные диктаторы, стремящиеся к тоталитарному порабощению человечества»⁹. Естественно, что в первую очередь имелся в виду сталинский СССР.

Антикоммунистическая эмиграция не могла не видеть того, что основная борьба между СССР и Западом развернулась за контроль над Германией. Уже летом 1946 г., выходявшая в Сан-Франциско «Русская жизнь» отмечала: «Дунай, Триест, Австрия и даже маленькая Албания служат камнями преткновения на пути к разрешению вопроса о Германии. Если раньше говорили, что дипломатические переговоры отсрочивают войну, то теперь все признают, что дипломатические переговоры являются прелюдией к войне»¹⁰. Иными словами, не прошло и года после капитуляции Японии, а в антикоммунистической эмигрантской прессе уже открыто говорилось о перспективах новой мировой войны. Следует отметить, что подобные настроения были характерны для всего первого послевоенного десятилетия. В восприятии некоторых эмигрантов Вторая мировая война не закончилась, а закономерно перешла в стадию «холодной войны». Характерно, что тогда же, в августе 1946 г. известный политик дореволюционной России, бывший деятель Трудовой группы В.Б. Станкевич писал своему старому товарищу эсеру В.М. Зензинову: «Пожалуй, вопрос даже надо ставить не о том, будет ли война, а о том, когда она прекратится. В скрытой форме она уже в полном разгаре»¹¹.

Решению спорных вопросов, по мнению антикоммунистической эмиграции, препятствовала прежде всего политика СССР. Отмечалось, в частности, что именно поднятая советскими СМИ «разнузданная антиамериканская и антибританская кампания», их обвинения в адрес США в намерении разделить Германию привели к тому, что зашли в тупик переговоры на Московской конференции 1947 г.¹²

Вместе с тем, деятели российской эмиграции весьма критически оценивали и позицию западных демократий. Большинство политиков из антикоммунистической части диаспоры осознавали тот факт, что для политической элиты Запада на первом плане находятся собственные национальные интересы, а отнюдь не общечеловеческие ценности. Именно поэтому участь стран Восточной Европы была предрешена. Конечно, отмечал бывший деятель кадетской партии Н.С. Тимашев, демократические страны могли бы предъявить СССР «грозные ноты», требующие вывода войск из этого региона. Но они имели бы смысл лишь в том случае, если бы страны, предъявившие их, были бы готовы

⁸ Советский патриот. Париж, 1946. 4 января.

⁹ Липоткин Л. Коминтерн и Коминформ // Дело труда. Пробуждение. Нью-Йорк, 1952. № 40. С. 22.

¹⁰ Русская жизнь. Сан-Франциско, 1946. 23 августа.

¹¹ IISH. Fund of V.B. Stankevici. Folder 1.

¹² См.: Огни. Зальцбург, 1947. 3 декабря.

воевать. «Сомнений, однако, нет: ни за независимость Балтики, ни за подлинно самостоятельную Польшу или Румынию Англия и Америка воевать не готовы»¹³. А раз так, то, по мнению Н.С. Тимашева, не стоило предъявлять и крайние требования. Впрочем, с такой позицией в эмиграции были согласны далеко не все. Многие эмигранты-антикоммунисты полагали, что даже само пропагандистское давление на СССР является важным фактором, которое может вынудить последний совершить ошибки, пойти на уступки и этим будет способствовать усилению позиций демократического лагеря.

В связи с этим показательное отношение М.М. Карповича к т.н. «доктрине Трумэна», провозглашенной в 1947 г. Критикуя сам этот термин (поскольку речь идет не о некоей теоретической конструкции, а о более «основанном на интуиции» выступлении президента США), он одновременно одобрял решимость Г. Трумэна в желании бороться против коммунизма. Критики же американского президента, полагал редактор «Нового журнала», мыслили категориями «идиллической джефферсоновской демократии» и не учитывали опыта фашизма и коммунизма¹⁴.

Важным шагом в развитии послевоенного противостояния был отказ СССР от плана Маршалла в 1947 г. Современный исследователь М.М. Наринский оценивает этот план как попытку использовать сырьевые ресурсы Восточной Европы для восстановления западной части континента. Фактически, полагает он, план был составлен таким образом, что «участие в нем Советского Союза и стран Восточной Европы выглядело весьма проблематичным»¹⁵. Отказ от плана был обусловлен также и тем, что СССР стремился не позволить Западу получить возможность влиять на положение дел в странах Восточной Европы.

Совершенно иначе, естественно, отказ СССР от плана Маршалла интерпретировался антикоммунистической эмиграцией. Так, социал-демократ Б.М. Сапир объяснял его тем, что «поддержание разрухи, нарушение основ порядка, сеяние беспокойства» в Европе – все это должно было способствовать «усилению гангрены общественных тканей» и толкало широкие массы «в объятия коммунистов»¹⁶. Характерно, что при анализе плана Маршалла как его противники, так и сторонники первостепенное внимание уделяли политическим последствиям принятия или отклонения плана, а не его экономической составляющей.

Развитие событий подтверждало точку зрения М.М. Карповича и антикоммунистической эмиграции о невозможности соглашения с СССР. Уже в следующем, 1948-м году, после прихода к власти коммунистов в Чехословакии, М.М. Карпович с удовлетворением отмечал крушение иллюзий тех, кто выступал за компромисс демократов и коммунистов, «восторгаясь разумной политикой Бенеша и Масарика». М.М. Карпович в связи с этим делал и более общий вывод о том, что «как карточный домик» рассыпались все построения, связанные с идеей о возможности «среднего пути между капитализмом и социализмом»¹⁷.

Апогеем послевоенного противостояния вокруг Германии являлась советская блокада Берлина в 1948-1949 гг. Анализируя причины этого события, российские эмигранты-антикоммунисты, помимо стремления СССР сохранить экономический кон-

¹³ Тимашев Н.С. Три победителя или один? // Новый журнал. 1947. № 16. С. 180.

¹⁴ См.: Карпович М.М. Америка, Россия и Европа // Новый журнал. 1947. № 15. С. 175.

¹⁵ Наринский М.М. СССР и план Маршалла. По материалам Архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 11.

¹⁶ Сапир Б. Куда идет Европа? // Социалистический вестник. 1947. № 11. С. 208.

¹⁷ Карпович М.М. Разрушение иллюзий // Новый журнал. 1948. № 18. С. 152.

троль над своей зоной оккупации, указывали также на желание добиться реализации проекта единой коммунистической Германии. Кроме этого, необходимо было прекратить усилившееся весной 1948 г. бегство немцев из советской зоны во французскую¹⁸. Что же касается вопроса о позиции Запада в условиях кризиса, то для российской антикоммунистической эмиграции ответ был очевиден: необходима твердость и бескомпромиссность в противодействии СССР. «Если мы не будем колебаться, то сможем держать свои две трети Берлина сколько угодно времени»¹⁹, – заявляли ее публицисты.

Именно в период Берлинского кризиса все более частыми стали заявления эмигрантских публицистов о готовящейся мировой войне, ожидания войны стали обычным явлением для эмигрантской прессы. По замечанию деятелей Всеказачьего антибольшевистского зарубежного объединения (ВАЗО), возглавлявшегося бывшим Походным атаманом казачьих войск власовской армии И.Н. Кононовым, в 1948 г. «крылья» Третьей мировой войны уже «зловеще распространились над миром»²⁰.

В условиях наиболее резкого обострения ситуации вокруг Берлина в кругах российской эмиграции активно стал обсуждаться вопрос о том, каково же должно быть отношение зарубежных россиян к перспективе возможного перерастания противостояния в вооруженную форму. Та часть диаспоры, которая была примирительно настроена в отношении СССР или прямо его поддерживала, выступала решительно против раздававшихся призывов к войне. Известная деятельница старой политической эмиграции Е.Д. Кускова, например, восклицала: «Эти истерические крики – «К войне! Только нож, только война!» – нас, русских за рубежом, сильно дискредитируют»²¹. Она считала, что приглашение интервентов для освобождения России от коммунизма противоречит патриотической позиции, которую должна занимать эмиграция. Часть ориентированных на сотрудничество с СССР эмигрантов обосновывали неприятие будущей войны пацифистскими установками, хотя далеко не всегда, на наш взгляд, можно поверить в их искренность. Так, уже упоминавшийся Б.И. Элькин писал В.Б. Станкевичу: «Я – пацифист. Как и Вы, я считаю, что если будет еще одна война, то всему придет конец»²².

Думается, гораздо более глубоко обосновывал свою позицию в то время сам В.Б. Станкевич, который еще в конце Гражданской войны выступал против вооруженных методов борьбы против Советской власти. Теперь же в письме к А.Ф. Керенскому он указывал: «Большевизм – это изнанка войны. Чем больше войны – тем больше будет большевиков. И я боюсь, что после Первой мировой войны завоевавшие Россию, после Второй – Европу, не завоюют ли они после Третьей – весь мир»²³.

Однако непримиримая по отношению к коммунистическому режиму в СССР часть эмигрантов полагала, что необходимо использовать противоречия СССР с западными странами, в том числе в германском вопросе, для освобождения России от коммунистического режима. Поэтому в случае будущей войны антикоммунистическая эмиграция предполагала занять пораженческую позицию. Такова была, в частности, точка зрения А.И. Зака, заявлявшего, что «демократические армии понесут в Россию свободу и хлеб»²⁴.

¹⁸ См.: Ленат В. Карты на стол // Новое русское слово. 1948. 25 июля.

¹⁹ Возрождение. Париж, 1949. № 1. С. 165.

²⁰ Сполах. Б.м., 1948. № 12. С. 1.

²¹ Кускова Е. Какая цель? // Новое русское слово. 1949. 2 января.

²² IISH. Fund of V. B. Stankevic. Folder 2.

²³ IISH. Fund of V. B. Stankevic. Folder 1.

²⁴ Зака А.И. О войне демократической или оборонительной // Новое русское слово. 1949. 30 января.

Аналогичную позицию заняло большинство эмигрантов-антикоммунистов и в Корейской войне. Многим стало казаться, что Третья мировая война «приближается семимильными шагами». В 1950 г. ряд русскоязычных СМИ на Западе опубликовали статьи под заголовком «Если завтра война...». Иллюстрацией духовной атмосферы тех лет являются слова песни, написанной в 1951 г. одним из эмигрантов – бывшим власовцем:

*«Привал наш кончился... Наступит скоро час,
Когда война рванется грозным гулом
И перед строем нам прочтут приказ
Заряженные мы прочистим дула...*

*Миг будет... Минометы замолчат
По линии советской обороны,
И хриплый бас взорвется, как снаряд:
«Пропагандист РОА у микрофона...»²⁵*

Оптимизм многих антикоммунистов относительно возможных итогов нового глобального противостояния был вызван их мнением, что Советский Союз не готов к большой войне и был бы рад ее предотвратить. В открытой печати предпринимались и попытки представить США как защитников свободы и демократии, не имевших никаких экспансионистских замыслов. Впрочем, в личной переписке эмигранты обычно были более откровенны: многие из них понимали, что российская диаспора для Вашингтона – лишь инструмент для обеспечения своих национальных интересов.

Вместе с тем, ожиданиям мировой войны, усилившимся в начале 1950-х гг. в связи с войной в Корее, так и не суждено было сбыться. Постепенно становилось ясно, что в условиях противоречий внутри «свободного мира», наличия атомного оружия и т.д. Запад не заинтересован в переходе конфликта с СССР из стадии «холодной войны» в состояние глобального вооруженного противоборства. Отмечая, что антикоммунистическая эмиграция «оживет надеждой войны с большевизмом», деятели Комитета объединенных власовцев (КОВ) в 1953 г. указывали: «Запад никакой войны с СССР не желает. Германия не идет дальше восстановления границ 1939 г. Франция настроена примирительно, а США до сих пор еще не нашли извилистого пути между надолбленной им полумарксистской теорией «борьбы с марксизмом» и свободной практикой антикоммунизма»²⁶. То, что скорое начало новой мировой войны маловероятно, становилось очевидно и для рядовых эмигрантов, многие из которых с тревогой ждали глобального конфликта. Занимавший в первые послевоенные годы просоветскую позицию старый эмигрант А.С. Альперин, например, указывал в письме к Л.О. Дан в 1954 г.: «Начиная с 1947 г. в мире то более, то менее «тревожные дни». До сих пор они на личное мое настроение не действовали, и я всех тревожившихся уверял, что все «образуется». И теперь думаю, несмотря на большую обостренность положения, что «образуется»²⁷.

Усиливаясь в моменты обострения ситуации в мире, ухудшения отношений между Востоком и Западом, надежды эмиграции на Третью мировую войну так и остались несбывшимися. Можно обвинять часть эмиграции в отсутствии патриотизма, в желании поражения собственной Родине. Но необходимо учитывать, что для них Советский Союз и Россия были разными понятиями, а любовь к Родине они стремились четко отделять от поддержки существовавшего в ней режима. Неслучайно, в период Корейской войны добровольцами в войска Макартура записывались и старые офицеры Белой гвардии, многие из которых храбро сражались за Россию на фронтах Первой мировой войны.

²⁵ Суворовец. Буэнос-Айрес, 1951. 16 июня.

²⁶ Доброволец. Мюнхен, 1953. № 11. С. 6.

²⁷ IISH. Fund of L.O.Dan. Folder 7.